

1874 –
1884 гг.

Евангельские христиане- ПАШКОВЦЫ

Возникновение и духовно-просветительское служение

За последнее десятилетие мы стали свидетелями поразительных перемен в отношениях между церковью и государством. Явственно обозначилась попытка некоторых церковных кругов вновь восстановить державную господствующую церковь. Кроме негативных устремлений к господству и изоляции, в современных православных и протестантских церквях нарастают реформаторские тенденции за обновление духовной жизни и оживление христианского служения окружающему миру. В связи с этим история пашковцев, на наш взгляд, представляет интерес сегодня для понимания бурных процессов, происходящих в церкви и обществе. История не повторяется полностью, но в ней всегда есть параллели, аналогии, перекличка эпох. Автор статьи выражает надежду, что более детальное воссоздание событий, связанных с Петербургским возрождением, анализ их, поможет современным верующим расширить историческое и духовное зрение, найти мудрое применение опыта прошлого для верного решения проблем нынешней церковной жизни.

К сожалению, в глазах большинства наших современников историческое дерево христианства, выросшее на русской почве, представляется узко однолинейным, только православным, лишенным ветвей евангельской духовности. Такой ограниченный взгляд на собственную историю вызывает настоятельную необходимость изучения тех форм духовной жизни, которые возникли в России за пределами православной церковной ограды. Религиозные движения были чрезвычайно разнообразны, подчас они принимали экзотический причудливый характер. Движения такого рода исторически относили к разряду "мистических" или "духовных", а их представителей называли "хлыстами", "скопцами", "духоборами". Другие течения отвергали бурные молитвенные радения, видения, откровения, пророчества и впадали в крайний рационализм, признавая лишь моральную, практическую сторону христианства. Самые яркие представители такого типа: "сютаевцы" и "толстовцы". На фоне разнородных течений крайнего стихийного характера выделялся еще и третий тип, отличавшийся строгой и здравомыслящей ориентацией на книги Священного Писания и, в особенности, на Евангелие. Верующих людей такого склада в народе называли: "молоканами", "штундистами", "баптистами", "пашковцами". Эта группа верующих олицетворяла евангельское христианство.

Наиболее сильный размах евангельского движения наблюдался в эпоху пореформенной России, то есть к концу шестидесятых и началу семидесятых годов девятнадцатого века. В это время в России, независимо друг от друга, возникают три крупных очага евангельского движения: на юге Украины, на Кавказе и в Петербурге.

Если к южно-украинскому и кавказскому потоку примыкали в основном крестьяне, рабочие, купцы, ремесленники, мелкие чиновники, то петербургский очаг образовался из лиц, принадлежащих к высшей русской аристократии. В центре его стояли представители знатнейших фамилий: церемонимейстер царского двора, ближайший друг императорской семьи граф М.М.Корф, отставной гвардейский полковник, крупный землевладелец и заводчик граф В.А.Пашков, министр путей сообщения граф А.П.Бобринский, деятельные великосветские дамы княгини: В.Ф.Гагарина, Н.Ф.Ливен, генеральша Е.И.Черткова. Эти лица представляли цвет русской аристократии.

Зарождение евангельского движения в среде русской столичной аристократии – интереснейший духовный феномен, слабо изученный и мало исследованный. Чаще всего в России новые духовные течения появлялись в простонародье, а потом некоторые из них, как, например, хлыстовство, переходили в общество дворян. Здесь же налицо обратный процесс: евангельское движение, зародившись в высшем петербургском свете, нашло свое продолжение среди широких слоев общества Российской империи, вызвав огромный резонанс в обществе.

Влияние его на многие сферы русской жизни намного превосходило степень воздействия на окружающих со стороны молоканских, штундистских и баптистских общин. Это вполне объяснимо, высокое положение петербургских евангелистов, или как их называли "пашковцев", их горячая вера, большие материальные возможности помогли поставить дело христианского благовестия на солидную и влиятельную основу. Образованные, хорошо воспитанные, культурные пашковцы внесли в русский протестантизм аристократическое начало. Оно проявилось не только во внешней культуре, но и в духовной жизни. Духовный аристократизм не позволял пашковцам уничтожать верующих других течений, стремление к христианскому единству тоже было связано с высоким уровнем духовной культуры и природным аристократизмом. Со временем, когда большая часть пашковцев перешла в общины евангельского исповедания, они своим присутствием облагораживали верующих социальных низов. П.В.Ивано-Клышников, повествуя о социально-экономическом облике русского баптизма конца XIX века, писал:

"Члены общин были в подавляющем числе случаев – крестьяне с несомненным преобладанием крестьянской бедноты. Городских общин было мало, и там они состояли из ремесленников, рабочих, извозчиков. Интеллигенции совсем не было. Лишь впоследствии, когда вышедшее из Петербурга пашковское движение (евангельские христиане) было вовлечено в поток баптизма, в общинах стали появляться интеллигенты." [18, с.13-14]

Столичных проповедников Евангелия из аристократического круга вначале называли "редстокстами", по имени английского миссионера-евангелиста лорда Гренвила Редстока, который открыл евангельские собрания в Петербургских великосветских салонах в 1874 году. Историки из разных лагерей, протестанты и православные объявляют его основателем евангельского пробуждения в России. Но отвечает ли данная точка зрения истинному положению дел? До сих пор также недостаточно полно изучена богословская и вероучительная основа пашковского движения. Изучение этих вопросов является целью данной работы.

Истоки Петербургского возрождения

Построить справедливую и научно обоснованную концепцию возникновения того или иного общественного явления, учитывая только самый ближайший духовный, исторический и социальный контекст, вряд ли возможно. Такой подход дал бы неполную картину и снизил бы меру объективности. Наиболее точные результаты можно получить, осуществив

аналитический обзор родственных явлений, имевших место на широком пространстве истории мировой духовной культуры.

Живые духовно-исторические нити от евангельских верующих Петербурга восходят к западно-европейскому пиетизму.¹ Пиетизм зародился в Германии, в конце семнадцатого века как реакция на процесс духовного охлаждения в лютеранских и реформаторских церквях.

"После великой религиозной борьбы XVI века в среде немецкой протестантской церкви весьма скоро наступил полнейший застой, – пишет историк А.А.Арсеньев, – место католического правоверия заняло лютеранское, столь же гордое, столь же уверенное в своей непогрешимости, столь же нетерпимое ко всему несогласному с однажды установленной догматикой.

Богословские факультеты, ученые догматики – а вслед за ними и громадное большинство пасторов занимались преимущественно точным отмежеванием лютеранства от других оттенков протестантизма, комментированием всякой буквы Аугсбургского исповедания, расширением прав и власти иерархии, превознесением церковного над светским. В проповеди, в духовной литературе ничто не обращалось к чувству, ничто не было рассчитано на успокоение сердца на утешение в горе и страдании." [1]

Естественно, такое положение в церквях не могло удовлетворить души, ищущие живой веры и деятельной практической жизни. Очередным "Мартинусом Лютером", возглавившим борьбу за оживление духовной жизни, стал Филипп Яков Шпенер. Помимо церковных богослужений он со своими друзьями начал устраивать духовные собрания с чтением Библии, проповедями, беседами. Правом голоса на этих собраниях пользовались все верующие. По примеру М.Лютера Я.Шпенер в 1675 году публично провозгласил свои реформаторские тезисы. В предисловии к ним Шпенер отмечал, что "он стремится не к реформации догматов, а к реформации жизни". Эти тезисы образовали духовную платформу пиетизма:

1. Слово Божие должно занять центральное место как на церковной кафедре, так и в личной жизни каждого христианина.
2. "Библейский час" должен занять важное место в жизни церкви и отдельных христиан.
3. В церкви должно практиковаться всеобщее священство верующих, и барьер между духовенством и мирянами должен быть уничтожен.
4. Все верующие должны воспитываться в духе живой веры и знать, что вера без дел мертва.
5. Отношение к заблуждающимся и неверующим не должно заключаться в спорах и анафемствованиях, но в молитве за них и в свидетельстве им в духе любви и кротости.
6. Богословское образование должно быть подвергнуто реформе с тем, чтобы главное внимание обращалось на возрождение и освящение сердца, а не на наполнение ума большим количеством знаний.
7. В проповеди следует стремиться к максимуму духовного назидания, поскольку в христианстве главное значение имеет наш внутренний, обновленный человек. [21, с.323]

Я.Шпенер и его предшественники Ф. Гроссгебауер, Г.Фоет стремились утвердить идею "общинной церкви", то есть создать единую духовную семью из живых христиан, ведущих благочестивый образ жизни. [21, с.323] Жизненным исполнением тезиса "вера без дел мертва" стала необыкновенно усердная благотворительность пиетистов.

¹ Название этого движения происходит от латинского слова «pietas» – благочестие.

В России пиетизм получил широкое распространение в немецких колониях Закавказья, Поволжья, южной России. К середине XIX века в южнороссийских губерниях развернули активную деятельность проповедники-пиетисты: реформатский священник И.Бонкемпер, лютеранский пастор Э.Вюст. Их служение подготовило почву для зарождения украинского штундизма и баптизма.

Эпохой торжества пиетизма на русской земле называют период 1815-1824 гг. [1, с.151] Тогда же он вошел и в высшие слои общества через мистико-библейские кружки, организованные в процессе работы Российского Библейского Общества аристократами-энтузиастами: Голицином, Татариновой, Крюднер и ее братом Фитингоф, деятельным сотрудником Общества. Вряд ли можно указанных лиц назвать пиетистами в самом строгом смысле. Пиетические идеи часто смешивались у них с мистическими теориями и устремлениями.

Носителями пиетизма евангельского оттенка в начале XIX века в России были два проповедника из Германии: Иоганн Госснер и Игнатий Линдль. В 1819 году Линдль приехал в Петербург, где неожиданно нашел благосклонный прием у императора и князя Голицына. Ему было разрешено проповедовать, но в Петербурге Линдль пробыл недолго; весной 1820 года он получает место в Одессе с правами католического епископа. К середине века Линдль становится одним из духовных руководителей знаменитой немецкой колонии недалеко от Одессы, под названием "Сарата". Там проживали группы пиетистов из Вюртемберга и Баварии. Не только в кругу колонистов, но и среди местного населения Линдль проводил собрания в евангельско-пиетическом духе. Люди шли за 40-50 верст, чтобы услышать Слово Жизни. Этот служитель, по замечанию А.Дородницына, "выступал пламенным проповедником покаяния и обращения ко Христу". [13, с.113]

В Петербурге дело Линдля продолжал с 1820 года Госснер (1773 - 1858). Четыре года он совершал евангельское служение в северной столице. Госснер был принят в совет директоров Библейского Общества и получил возможность проповедовать [57, с.135]. Дух и содержание его проповедей позволяют назвать его "апостолом пробуждения". Русские протестанты, православные, западные лютеране, католики, реформаторы и все, кто испытывал духовную жажду, сходились на его богослужения в огромном числе. Благовестие Госснера распространялось на многие места Петербурга. "Его проповеди раздавались вплоть до царского двора в Царском Селе, – пишет историк баптизма А.В.Карев, – среди его слушателей были даже министры царского правительства". [22]

Некоторые исследователи, например, С.Н.Савинский и В.Кале отрицают связь побудительных евангельских собраний Госснера и Линдля с движением пашковцев. Прямые связи действительно не прослеживаются, но история духа не всегда опирается только на видимые нити. Слово, посеянное в одном поколении, может прорасти и в последующих. Деятельность Госснера и Линдля можно рассматривать как подготовительную для более широкого духовного пробуждения пашковского периода.

Прямые связи, ведущие к движению пашковцев, можно обнаружить в деятельности так называемого Международного Евангельского Союза. Это христианское объединение возникло на волне растущего европейского пиетизма и явилось плодом духовного и организаторского творчества его представителей. В 1846 году в Лондоне 55 проповедников из разных церквей провели учредительный съезд, на котором был создан этот Союз. [8, с.103]

Евангельский Союз и его многочисленные филиалы в качестве своей главной задачи ставили миссионерское служение. Епископ А.Дородницын называет имена проповедников, совершавших миссионерские поездки по территории России под покровительством Евангельского Союза: Ф.Бедекер, Г.Фаст, Я.Кох, М.Корф, М.Каль-

вейт, С.Багдасаров, Я.Деляков. [14] Все эти лица так или иначе сотрудничали с руководителями Петербургского пробуждения. А.Дородницын писал, что “Евангельский Союз дал России известного лорда Редстока, учителя полковника В.Пашкова.” [14] И это не голословное утверждение, так как лорд Редсток был одним из самых активных сотрудников Международного Евангельского Союза.

Отечественные предпосылки возникновения движения

Почти во всех крупных религиозных движениях, возникавших в России вне господствующей православной церкви, принимала участие русская аристократия. Исключение составляет только духоборчество и молоканство. Эти течения не имели в своей среде лиц из высшего сословия. В связи с открытием в 1812 году Российского Библейского Общества начинают распространяться мистико-пиетические кружки. Самый крупный из них – “Союз Татариновой”. Деятельным членом этого кружка был князь А.Голицын, тогдашний министр духовных дел и просвещения. [56, с.76] Духовные собрания с хлыстовским оттенком устраивала в то время проповедница и пророчица баронесса Ю.Крюднер. [56, с.79]

Середина XIX века ознаменовалась возникновением так называемого “десного братства” “Десное” – значит “правое” (от старославянского). Возглавил его князь Н.Кропоткин. Братство имело филиалы на Урале и проводило встречи в духе мистико-хлыстовских собраний [56, с.114]. В конце 60-х годов XIX века в Петербурге появляются общины “Апостолов последних дней”. Так называли себя последователи учения английского проповедника Эдварда Ирвинга (1792-1834) [56, с.383] Общины ирвингиан возникли также в Риге, Москве и в Псковской губернии. Часто ирвингиане совершали богослужения в великосветских салонах и приобретали там последователей. Среди новообращенных наиболее активной была княгиня М.М.Дондукова-Корсакова, которая предоставляла свои залы для собраний и приглашала своих знакомых из большого света. Движение ирвингиан носило характер апокалиптический и пятидесятнический, они особенно ревновали о даре пророчества.

Сильное развитие к концу шестидесятых годов в Петербурге и других городах России получила проповедническая деятельность лютеранских пасторов. Большой популярностью пользовались: Дальтон, Мазинг, Леш, Ферман. [8, с.532] Они устраивали русские богослужения и произносили проповеди на русском языке, что также вызывало интерес у разных слоев населения. Семидесятые годы XIX столетия выдвинули в центр духовно-общественной жизни движение Евангельских христиан-пашковцев. Простые собрания с проповедью Евангелия, сердечными молитвами, пением под фисгармонию заполнили богатые дома столичных аристократов В.А.Пашкова, М.М.Корфа, Н.Ф.Ливен, В.Ф.Гагариной и приняли со временем характер массового духовного пробуждения среди высшей русской знати. Что привело к образованию мощной волны евангельского движения в великосветской сфере русского общества? Это явление можно объяснить влиянием причин исторического, социального и духовного характера.

Исторические предпосылки. Исторически выявляются глубокие корни и давняя традиция богоискательства, свойственная русской аристократии. В истории духовных исканий русской аристократии можно проследить непрерывную линию участия высокопоставленных лиц в религиозных движениях самой различной окраски. Многие из этих движений были очень далеки от евангельских принципов, на которые ориентировались пашковцы. Однако сам факт наличия религиозных брожений в истории русской аристократии обуславливает некоторую косвенную преемственность в плане искания Божьей истины и наилучшего служения Богу.

Помимо традиции духовных исканий, заявлявших о себе в самых различных, иногда чрезвычайно причудливых формах, к историческим причинам зарождения широкого евангельского движения в великосветском обществе во второй половине XIX века можно отнести и влияние европейской культуры. Начиная с эпохи Петра I, русское высшее общество активно стало приобщаться к благам европейской цивилизации и соприкасаться с духовной культурой западноевропейских стран. Представители знати имели свободный доступ к духовному наследию католицизма и протестантизма.

Социальные предпосылки. Социальные условия также подготовили почву для всплеска евангелизма на Русской земле. Во второй половине XIX века русское общество захлестнули идеи нигилизма. Нигилизм провозглашал неверие и отрицание всего того, что служит непосредственной практической пользе. Образы нигилистов нашли воплощение в произведениях русской классической литературы. Базаров в “Отцах и детях” Тургенева, Волохов в Обрыве“ Гончарова, роман “Бесы” Достоевского, где нигилисты являются откровенно агрессивными личностями, которые могут ввергнуть Россию в хаос и разрушение. Разрушительную силу русского нигилизма подметил историк и публицист Г.П.Федотов:

“Нигилизм жизненно в достаточной мере отвратителен. В беспорядочной жизни коммун, в цинизме личных отношений, в утверждении голого эгоизма и антисоциальности (ибо нигилизм антисоциален), как и в необычно жалком оголенном мышлении – чудится какая-то бесовская гримаса: предел падения русской души. По крайней мере русские художники всех направлений, от Тургенева до Лескова, от Гончарова до Достоевского, содрогнулись перед нигилизмом.” [65, с.88]

Опасность нигилизма почувствовали не только художники и глубокие мыслители, но и все люди с благородной возвышенной душой. Поэтому евангельское движение стало развиваться как противовес нигилистическим тенденциям в обществе. Об эпохе неверия и отрицания говорил В.Пашков, объясняя петербургскому обществу свое желание неумолимо проповедовать Евангелие. [43, с.6-7]

Еще одним популярным в то время направлением общественной жизни, оказавшим свое влияние на Петербургское евангельское пробуждение, было так называемое “народничество”. Герцен и Чернышевский были теоретиками и родоначальниками этого движения среди российской интеллигенции. Народники вели просветительскую работу среди рабочего и крестьянского населения. Подвижничество народников заслуживает уважения, но совершали его люди нерелигиозные. Они придерживались теории “разумного эгоизма” по Чернышевскому. Благо ближнего – твое личное благо – вот один из идеалов народников. Подобная добродетель не вдохновлялась верой, а была лишь попыткой самоусовершенствования.

Верующие аристократы-евангелисты тоже устремились в народ. Однако, это был подвиг веры, народничество с христианским наполнением, призванное благодетельствовать человеческую личность во всей целостности, включая дух, душу и тело. Благотворительные акции верующих аристократов исходили от любви ко Христу, в каждом нуждающемся человеке они видели образ Божий.

Крестьянская реформа 1861 года тоже разрыхлила почву для усиления богоискательских настроений, расширив круг интересов простого народа. Получив “вольную”, крестьянин мог свободно отправиться на поиски лучшей веры.

Духовные предпосылки. В ряду различных факторов, повлиявших на возникновение евангельского движения в российских верхах, виднейшее место занимают духовные. С чем они связаны? Прежде всего, это чувство внутренней пустоты, возник-

шее от пресыщения светскими развлечениями и удовольствиями. Аристократы переживали опыт царя Соломона. Во-вторых, господствующая церковь того времени не смогла удовлетворить духовные запросы ищущих людей из круга русской аристократии. “Для них православие со своими обрядами и службами было тяжелой и скучной религией”, – отмечал православный миссионер В.Терлецкий. Более развитые и сознательные представители интеллигенции искали новые, живые и динамичные формы служения Богу.

Большое евангельское пробуждение, начавшееся с проповеди английского миссионера-благовестника лорда Г.Редстока в великосветских салонах Петербурга в начале 70-х годов XIX столетия, было порождено интенсивными духовными исканиями, охватившими высшие слои русского общества в пореформенную эпоху. У Петербургского возрождения довольно богатая предыстория. Кого же можно назвать предшественниками петербургских аристократов-евангелистов? Далекие и косвенные предшественники – это весь сонм благородных искателей Истины. Особенно в этой цепи следует выделить тружеников Российского Библиейского Общества и евангельско-пиетических кружков, возникших на его основе. [57, с.98]

К числу ближайших предшественников пашковцев, несомненно, можно отнести Апостольские общины ирвингиан. Вероучительное богословие пашковцев и ирвингиан имеет много общих положений. Божественный авторитет Библии, исповедание Христа как воплощенного Бога и Спасителя, вера в Святого Духа как одну из Ипостасей Троицного Бога, вера в грядущее Второе пришествие Христа. [56, с.398] Пашковцев и ирвингиан роднили живые пламенные проповеди и благотворительность. Существовала разница в структуре и характере богослужений. Собрания ирвингиан напоминали католическую церковную службу, а собрания пашковцев ближе стояли к образцу ранних христиан, то есть представляли собой горничное богослужение.

Общественные настроения и веяния пореформенной эпохи тоже сыграли определенную роль в росте и развитии евангельского движения. Усиливавшийся духовный голод нашел утоление в евангельских идеалах.

“Жажда веры была в то время великая: народ томился, искал Бога, – констатировал православный историк А.Кулешов. – Учение Редстока как нельзя соответствовало запросам времени. Преподносилось оно в форме простой, доступной и в то же время интересной и красноречивой.” [27, с.20]

Духовные искания, совокупность исторических, социальных и религиозных причин обеспечили выход на поверхность общественной жизни мощной струи евангельского движения. И, конечно, главнейшая заслуга в этом принадлежит работе Духа Святого.

Кто был основателем движения?

Большинство светских и церковных историков считают, что единственным основателем и вдохновителем Петербургского пробуждения был английский миссионер-благовестник лорд Гренвил Редсток. Этот самоотверженный труженик Евангелия, сеятель Слова Божия, на протяжении четырех лет, с 1874 по 1878 (до момента официальной высылки из России), неутомимо проповедовал и проводил евангельские собрания в аристократических домах Петербурга, а также в англо-американской и реформаторской церквях, куда стекались в большом количестве слушатели из среды высшего общества. Н.Лесков оценивал служение Редстока как духовно-общественное явление всероссийского масштаба:

ная и ограничивалась весьма небольшим великосветским кружком, теперь едва ли есть где-нибудь такой укромный уголок в России, в котором бы не слышали и не толковали о лорде Редстоке." [28, с.2]

"Есть нечто дивное в том, что успевает делать Редсток с теми, во всех отношениях скудными средствами, с какими, кажется, ничего бы нельзя сделать, а тем более повлиять на холодные, себялюбивые натуры людей с лоснящейся кожей и гнать их в норы и трущобы, где страдает и гибнет злополучная нищета. Умен ли он или не умен, но он один сумел как-то поднять эту давно не возделанную лядину, и в едва всковыренные холодные пласты ее бросил, во всяком случае, не злое семя" [28, с.108]

Н.Лесков назвал Редстока "Дон-Кихотом проповедничества", выразив светскими словами духовную сущность проповедника. Редсток был истинный слуга Христов, отдавший свою жизнь на служение идеалам Евангелия, и поэтому его путь в России был благоуспешен и вклад его в дело духовного пробуждения огромен. Тем не менее, согласиться с точкой зрения, что он был единственным основателем и вдохновителем Петербургского духовного пробуждения, значит не увидеть ее исторической и духовной ограниченности. Исследование ближайшего и отдаленного исторического фона движения дает основание для выработки более широкого взгляда на причины Петербургского пробуждения. Анализ духовного, исторического и социокультурного контекстов позволяет обнаружить основные корни движения.

Прежде всего, это западноевропейский пиетизм, получивший распространение среди русской аристократии на протяжении XIX века. Аристократы Петербурга соприкасались с пиетическими воззрениями еще в период деятельности Российского Библейского Общества. Петербургское высшее общество слышало вдохновенные евангельские проповеди от немецких протестантских пасторов, от благовестников апостольских общин.

Западноевропейский пиетизм – не единственная струя, вызвавшая пробуждение времен Пашкова. Почва для пробуждения созревала и под влиянием чисто отечественных процессов, происходивших в разных сферах общественной жизни. До встречи с Редстоком многие из новообращенных уже имели познание о Боге и запас духовности. Степень подготовленности у всех была разная. Вот как свидетельствует о своем духовном состоянии один из лидеров движения граф М.М.Корф:

"Православный катехизис был мне хорошо известен. Я верил в Бога, считал себя благочестивым, так как часто молился Богу. Я был верным сыном той церкви, в которой я родился. Но в месте с тем, я не знал, спасен я или нет!" [60]

В лице графа М.Корфа и многих других в пашковском движении присутствовали элементы православной духовности. Если Корф и часть его друзей уже вкусили, как благ Господь, то Пашков и Бобринский свидетельствуют о своей полной безрелигиозности до встречи с Редстоком. Казалось бы, этот факт должен свидетельствовать в пользу того, что Пашков, в частности, есть продукт иноземного влияния. Подобное впечатление высказывали люди, принадлежавшие к воинственному крылу православия, и уж им-то было бы на руку объявить Пашкова порождением "злостроительной иностранной пропаганды". Приведем отрывок из православного журнала "Странник" за 1883 г.

"Основа учения у г. Пашкова протестантская, но это справедливо только наполовину: протестантизм есть доктрина и доктрина, говоря относительно, умная и почтенная; у протестантизма есть историческая основа и до известной степени основа церковная. У г. Пашкова ничего подобного нет и он сам по себе. Мы думаем, что г. Пашков сектант на чисто местной подкладке, и ему ужасно как

далеко до настоящего протестантизма. Это сектант – несомненно русский".

[44]

Учитывая исторические факты, нельзя не выделить чисто самобытные истоки движения пашковцев. Корни его уходят в многоликий русский протестантизм. Петербургское пробуждение – это продолжение реформаторских движений, периодически заявлявших о себе почти с самого момента официального принятия христианства на Руси.

Помимо двух корней, пиетического, пришедшего с Запада и русско-протестантского, нельзя умолчать об особенностях эпохи, которые тоже оказали существенное влияние на Петербургское пробуждение. В высших слоях русского общества того времени, несомненно, витал дух покаяния. Он проявлялся в разных формах: хождение в народ, благотворительность, просветительство, учительные философские раздумья о жизни. Чувство покаяния выражалось в призыве "уплатить долг народу". По примеру евангельского Закхея поступали такие известные богачи-меценаты как Третьяковы, Морозовы, Мамонтовы, Рябушинские. "Кающийся дворянин" становился героем дня.

Самым характерным памятником эпохи аристократического искания можно назвать знаменитую "Исповедь" Льва Толстого. Это не только личная драма великого художника, не только осмысление собственного жизненного пути, но и психологический портрет времени. В "Исповеди" можно усмотреть элементы христианского обращения: утрата глубокого и возвышенного смысла жизни, недовольство официальными церковными институтами. Эти элементы были свойственны духовному опыту пашковцев. Однако у Толстого здесь возникает трагический разрыв, его "Исповедь" не увенчивается встречей со Христом как со своим личным Спасителем. Л.Толстой не входит в соприкосновение с благодатью, не приобщается к Вечности. Писатель выражает всеобщую тягу к освобождению совести от накипи зла, от бессмысленности суетной жизни.

У людей из окружения Толстого, у многих русских аристократов оживала совесть, пробуждалась жажда богоискательства, но не все могли найти Того, Кто есть «Путь, Истина и Жизнь» (Ин.14.6). Осознавая свой долг перед народом, Толстой хотел обрести народную веру. А вера народная на Руси в большинстве своем шла двумя крайними потоками: мистико-суевренным или крайне рационалистическим. Толстой устремился к последнему, но не смог преодолеть рационализм. Общественные веяния усиливали тягу к богоискательству. "Успех Редстока в русском свете был подготовлен и обеспечен духом времени, создавшим людей подходящего ему типа", – писал Н.Лесков [29, с.77]. Заключение писателя вполне справедливо.

Итак, кого же по праву можно считать основателем Петербургского пробуждения? Несомненно, велика заслуга лорда Редстока в деле распространения евангельских истин в великосветских салонах. Однако, возведение его в ранг единственного основоположника и вдохновителя движения было бы односторонней и искусственной натяжкой. Нельзя забывать о том, что за плечами новообращенных русских аристократов не было пустоты, позади и рядом с ними выступают нескончаемые ряды богоискателей и соответствующие общественные настроения. В русской истории, в дни первых пашковцев, чувствовалась работа Духа Святого во многих сферах бытия. Так что в высшем смысле Основатель движения – Бог, таинственно действующий в различных народах, на большом историческом пространстве и в конкретной обстановке. Духовный процесс зарождения движения пашковцев можно выразить словами апостола Павла: *"Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду"*. (1Кор.3.6-

8)

Аристократы-евангелисты

Ядро евангельского движения составила группа богатых и влиятельных петербургских аристократов во главе с отставным гвардейским полковником графом В.А.Пашковым (р. 1831 г.). Потомок древнего дворянского рода В.Пашков принадлежал к числу наиболее богатых и знатных людей в России. Он получил прекрасное образование в одном из самых привилегированных учебных заведений России, Пажеском корпусе. Избрав карьеру военного, Пашков успешно служил в царской гвардии и вышел в отставку в звании полковника.

Пашков до встречи с лордом Редстоком вел обычный светский образ жизни, любил аристократические забавы: охоту, верховую езду, роскошные балы. Однажды по приглашению жены, которая была уже обращенной, лорд Редсток прибыл в дом Пашкова на обед. Беседу о Слове Божьем проповедник закончил предложением помолиться.

“Молитва этого Божьего человека так сильно подействовала на Василия Александровича, что ему внезапно открылось его личное состояние, – рассказывает в мемуарах С.П.Ливен. – Он понял, что все слышанное из Слова Божия касалось и его лично. Он почувствовал свою греховность и отчужденность от Бога и тут же стал каяться. Он всей душой уверовал во Христа как своего личного Спасителя, пролившего Кровь Свою и за его грехи и воскресшего для его оправдания, и верой получил прощение”. [30, с.18]

Пережив в 1874 году духовное возрождение, Пашков сразу же отдался евангельскому служению. Он предоставил свой дом на Французской Набережной для регулярных духовных собраний. Защитники ортодоксального православия отзывались об этих собраниях отрицательно, но даже они не могли не заметить особого чуда обращения, которое совершилось с Пашковым.

С проповедью Евангелия Пашков посещал петербургские тюрьмы, больницы, дворы извозчиков. В своем доме он открыл дешевую столовую, где благотворительная работа сочеталась с духовно-просветительской. В.Пашков не ограничивал христианскую деятельность только Петербургом, он часто переносил ее и в свои имения. С 1880 года Пашков разворачивает большую духовно-просветительскую работу и дела благотворения в своем подмосковном имении. Он выстроил для крестьян ближайших деревень школу и больницу. По воскресным и праздничным дням организовывал евангельские собрания у себя в доме, приглашая туда крестьян из окрестных деревень. Часто Пашков приходил в крестьянские избы, проповедуя о Христе и уговаривая не пить водку, трудиться и следовать за Христом. При виде крайней нужды оказывал материальную помощь [64, с.74-75]. Неподдельная ревность Пашкова к делу Божьему поставила его в центр евангельского движения. В Петербурге и провинции кружки и собрания, организованные Василием Александровичем, со временем получили название "пашковских", а члены новых евангельских общин тоже именовались "пашковцами".

Ближайшим другом и сотрудником Пашкова был М.Корф. Он тоже принадлежал к высшему аристократическому обществу. В отличие от В.Пашкова, Корф и до встречи с лордом Редстоком слыл за набожного человека. Он ходил в храм, исповедовался, причащался. В 1874 году Корф начал посещать беседы лорда Редстока в Петербурге. На одном из молитвенных собраний он объявил о своем желании посвятить жизнь Богу.

Корф вместе с Пашковым проповедовал Слово Божие на собраниях высшего общества, посещал ночлежные дома, тюрьмы, больницы и постоялые дворы. В 1878 году М. Корф и его жена открыли в разных местах города швейные мастерские для бедных. Создание «Общества поощрения духовно-нравственного чтения» в 1876 году и организация первого в истории России Съезда неправославных христиан в 1884 году были плодом подвижнических трудов М.Корфа и В.Пашкова.

Одним из деятельных помощников Пашкова в деле благовестия был также граф Алексей Павлович Бобринский. Он был министром путей сообщения. А.Бобринский никогда не думал о Боге, к вопросам веры был равнодушен. Его приближение ко Христу началось после того, как он заметил разительную перемену в своих светских друзьях. Позднее он вместе с Пашковым и Корфом обсуждал и разрабатывал их просветительские проекты.

В движении пашковцев участвовало немало женщин-аристократок. Они подвизались не только в делах милосердия, но и несли почти неограниченное духовно-просветительское служение наравне с проповедниками. Активно трудилась княгиня Вера Федоровна Гагарина. Она создала в селе Сергиевском большую общину евангельских христиан, неутомимо свидетельствовала о Христе окружающему населению. Деятельными помощниками В.Пашкова вместе с В.Ф.Гагариной были ее сестра Н.Ф.Ливен и Е.И.Черткова, мать В.Г.Черткова, последователя Л.Н.Толстого. С.П.Ливен рассказывает о многих женщинах из аристократических кругов, которые проповедовали на собраниях, вели библейские уроки для взрослых и детей, посещали больницы и тюрьмы, направляли жаждущие души к Богу. Она особо отмечает подвижничество А.И.Пейкер. На ее плечах лежало издание журнала "Русский рабочий". После его закрытия А.И.Пейкер проводила собрания молодежи из интеллигенции.

Евангельский пиетизм пашковцев

Экскурс в историю западно-европейского пиетизма мы сделали для того, чтобы яснее увидеть черты этого движения в служении и духовной жизни пашковцев. Следование за Христом, как его понимали пашковцы, включало в себя все основные элементы пиетизма: обращение, духовное возрождение и освещение. Качество христианской жизни во многом определяет глубина обращения. В постановке духовной жизни у пиетистов первостепенное значение отводилось подлинному обращению. Это не было простое присоединение к христианству, религиозной общине или принятие некой системы мировоззрения. Обращение подразумевало глубокую внутреннюю перемену, связанную с непосредственным переживанием Божьего присутствия и воздействия благодати Господней. Обращение душ, которое производило движение пашковцев, тоже приносило плоды истинного покаяния.

Как пашковцы относились к личному духовному развитию? Здесь они также шли в русле пиетизма. Помимо призывных собраний, они устраивали беседы и общения по духовному освящению. В Петербург по приглашению пашковцев приезжали известные богословы и проповедники: Бедкер, Мюллер, Дрокмайер. "В первой любви мы горячо свидетельствовали о Христе, но были младенцами в познании Слова Божия, – замечал М.Корф. [24] Этот пробел восполняли духовно образованные и опытные гости-пасторы.

“Эти братья своим служением помогли русским верующим продвинуться вперед в жизни веры, – вспоминала С.Ливен, – показывая им из Слова Божия необходимость не только спасения, но и освящения”. [30, с.69]

Что представлял собой пиетизм пашковцев? Прежде всего, это был пиетизм

чисто евангельского типа. Он сохранил в себе черты европейского pietизма: свободу от узкоконфессиональной направленности и отсутствие стремления к созданию церковной иерархии. Этот pietизм был очищен и от мистических наслоений, свойственных аристократическим кружкам начала XIX века, образовавшимся вокруг Российского Библейского Общества. Европейский pietизм зародился как реакция на протестантскую и католическую ортодоксию, русский великосветский pietизм – это своеобразный протест против засилья православного обрядоверия.

Неогъемлемая черта pietизма – усердная благотворительность. Дух благотворительности и соединенная с ним христианская проповедь в полной мере были присущи движению пашковцев. Филантропическую озабоченность они унаследовали от своих отдаленных предшественников, русских аристократов-подвижников времен Библейского общества. С 1819 года по их почину в России устраивались школы для бедных. В 1823 году князь А. Голицын помогал жителям белорусских губерний, терпевшим голод от неурожая. Княгиня С. Мещерская была деятельным членом попечительного общества о тюрьмах, еженедельно проводила библейские беседы с заключенными, посещала больницы. С 1813 года она начинает издавать духовную литературу для разных сословий. В короткий срок было выпущено 400 тыс. экз. книг и брошюр. [57, с.107]. Помощник и сотрудник Мещерской английский пастор Пинкертон приравнял духовно-просветительскую работу княгини к эпохальному событию:

"Эти издания составили в России новую эпоху относительно религиозных книг, потому что главнейшие догматические и религиозные книги у русских все написаны по-славянски. И только с тех пор, как появились эти книги, Новый Завет снял с себя густое древнеславянское покрывало десятого века, и Христос и апостолы могли говорить к русской нации на ее новейшем языке".

Практическое христианство петербургских аристократов не знало границ. Всплеск благотворительности отчасти был общим увлечением русского общества тогдашней эпохи. Повсюду возникали филантропические объединения и союзы. Однако, по замечанию Н.Лескова, "светская благотворительность не шла дальше пения и пляски в пользу бедных". [28, с.269] Как обстояло дело в кругах официальной церкви? Лесков упоминает имена трех православных священников, к которым устремлялись энтузиасты милосердия: А.Б.Гумилевский, М.Я.Морошкин и И.С.Белюстин. По мнению писателя, они имели одну общую черту: "отвращение от кваса фарисейского". [28, с.37] Среди православного духовенства только единицы посвящали себя самоотверженной заботе о нуждающихся, а народ, по словам Лескова, вопрошал: "Где же наша Церковь, и где такие ее руководители, с которыми можно бы совершать живой завет Спасителя о любви к ближнему?" [28, с.37]

Итак, светская благотворительность носила ограниченный характер, благотворительность церковная держалась на отдельных энтузиастах-одиночках. На таком общем фоне резко выделялось то самоотверженное служение милосердия, которое несли пашковцы. Ироничный и насмешливый Лесков, приступая к изложению добрых дел пашковцев, сам вдруг загорается почтительной любовью и уважением к христианам-евангелистам:

"Их знают, где их надо знать: они знакомы в тюрьмах, в школах, в больницах, они хлопчут за одних, облегчают страдания других, и каждый из них, позабыв всякое киченье, доступен всем и каждому. И когда вечером видишь из своего окна ряды экипажей, спешающих на бал или в театры, нельзя без большого удовольствия не вспомнить о Пашкове и о многих других, которые в это время сидят или за письмами, ходатайствуя за бедных, или читают Библию и говорят им о Спасителе мира. Пусть может быть они проповедуют что-ни-

будь и ошибочно и нечисто, но я все-таки радуюсь за них... Ибо и сам апостол Павел в этих случаях радовался. Отчего бы и нам, грешникам, с ним не радоваться?" [28, с.267]

Православный ортодокс Н.Н.Животов, для которого проповедь пашковцев не иначе как еретическое заблуждение, и тот в своих антипротестантских очерках не удержался от похвалы:

"Я мог бы назвать немало графинь и княгинь, составляющих "сливки общества", которые на моих глазах бродили по трущобам, подвалам, захолустьям, проповедуя обращение ко Христу. И странное дело! Люди проповедовали одну веру без дел, а между тем основывали все свои действия на благотворительности и широкой рукой оказывали помощь бедным". [16, с.22]

Что же вдохновляло тружеников Евангелия из аристократической среды подвизаться на поприще благочестия и дел милосердия среди простого люда? Как могли достичь они такого смирения, чтобы не гнушаться людьми низшего сословия? Они учились у Христа небесной любви, которая превосходит всякое разумение человеческое и устраняет всякие сословные перегородки. Он принес Себя в жертву за грех человека и тем исполнил волю Отца Своего. Он показал виновному человеку, далекому от Бога, что любовь Бога к нему, добровольно удалившемуся, не имеет границ и превосходит человеческое разумение.

Глубокая вера и сострадательная любовь к ближним побуждали пашковцев непрестанно молиться за исцеление больных.

"Еще в детстве я слыхала о таких исцелениях по молитве, – свидетельствует С.Ливен. – В.А. Пашков как и граф Корф обладали этим даром. Я помню, как все близкие находились под впечатлением исцеления одной бесноватой. Злой дух покинул ее после молитвы нескольких братьев, продолжавшейся много часов подряд. Она после этого стала тихой и кроткой ученицей Господа и верным чадом Божиим. По ее молитвам и по примеру ее жизни муж ее был приведен ко Христу." [30, с.19]

Помимо обеспечения собственных благотворительных заведений, пашковцы при посредничестве проповедника Г.Т.Фаста содействовали открытию в Петербурге "Приюта для детей всех религий".

В.А.Пашков и его соратники взяли на себя труд просветителей-евангелистов. До них на Руси не было еще столь широкой проповеди Евангелия. Пашковцы поддерживали всякую инициативу, направленную на библейское просвещение народа. Они продуктивно сотрудничали с "Обществом распространения Священного Писания в России", которое было основано в Петербурге и работало с 1869 по 1893 годы. Эта организация выросла из небольшого частного кружка, куда входили лица разных христианских исповеданий. Первоначально духовно-просветительское служение пашковцев ограничивалось устными беседами и проповедями в собраниях, которые устраивались в частных и общественных местах Петербурга.

Расширяя духовно-просветительскую работу, пашковцы в 1875 году начинают издавать христианский журнал «Русский рабочий». Редактором журнала была известная христианская труженица Мария Григорьевна Пейкер. М.Г.Пейкер происходила из аристократического семейства, получила хорошее разностороннее образование. Следование за Христом она начала с дел милосердия и благотворительности, возглавив Петербургский тюремный комитет. Создание и редактирование журнала «Русский рабочий» было естественным и логическим продолжением ее благотворительной и духовно-просветительской деятельности.

По своей направленности это был христоцентричный евангельский журнал, сви-

детельствующий о том, что во Христе разрешаются проблемы отдельной личности и общества. Он представлял собой общедоступное народное издание.

“Журнал издается с целью доставить рабочему населению назидательное чтение по возможно дешевой цене, – отмечали пашковцы. – Ознакомить читателей со Словом Божиим, необходимым для души каждого человека, возбудить в них жажду добра, показать им словами Священного Писания и примерами из жизни, что во всяком положении можно служить Богу и ближним в истине и в любви, – вот главная задача, которую старается выполнить наш журнал”, – писала М.Г.Пейкер.

Основную часть содержания журнала занимали духовные статьи, проповеди, поучительные рассказы. Немало места в каждом номере журнала занимали так называемые святоотеческие творения, статьи Тихона Задонского, проповеди Иоанна Златоуста, Макария Египетского, Ефрема Сирина и др. Более 10 лет журнал нес русскому народу как внутри Отечества, так и за его пределами Благою Весть как носитель евангельской духовности и культуры. Это был первый опыт евангельского духовного журнала в России.

В 1876 году пашковцам удалось осуществить самый грандиозный проект по евангельскому просвещению соотечественников. После настойчивых ходатайств перед властями они получили разрешение на учреждение “Общества поощрения духовно-нравственного чтения”.

“Общество поощрения духовно-нравственного чтения в Санкт-Петербурге имеет задачей своею доставление народу возможности приобретать на самом месте жительства его и за дешевую цену книги Св.Писания Ветхого и Нового Завета и сочинения духовно-нравственного содержания”, – гласил устав Общества. [62, с.1214]

За восемь лет непрерывной работы Общество издало более 200 наименований различных книг и брошюр духовного содержания. Брошюры продавались по очень низкой цене, а иные раздавались бесплатно. Члены Общества переводили на русский язык и публиковали проповеди Ч.Спердженя, книги Д.Буньяна, выпускали сборники стихов для пения, богословские трактаты русских православных авторов. Книги печатались, в основном, в Петербурге, а некоторые были изданы в Одессе и в Варшаве. Печатная продукция Общества проникла со временем во все уголки Российской империи, не только Петербург, центр и юг России, Поволжье и Урал были насыщены изданиями Общества, но и северные районы Империи. Активное обращение книг позволило укрепить связи между евангельскими общинами родственных конфессий и способствовало естественному созданию неофициального духовного центра в Петербурге, направляющего просветительскую работу на путь совместных усилий. По словам М.Корфа, Общество превратилось вскоре в «орган духовного пробуждения».

Культурное наследие России, как и любой другой страны, чрезвычайно многообразно и многолико. И было бы неправомерно сводить его только к узко православным истокам. Сложное здание русской культуры в немалой степени возводилось и под влиянием христиан, принадлежащих к евангельско-протестантскому исповеданию. Евангельское христианство много сил полагало на духовно-просветительское служение. Масштабы просветительской работы зависели не только от внутреннего огня верующих, но и от финансово-экономических возможностей ее организаторов. Основной труд по духовному воспитанию народа ложился на людей состоятельных. Наиболее весомый вклад в дело духовного просвещения могли внести петербургские аристократы-евангелисты. Они не жалели сил и средств для осуществления христианских просветительских программ. Созданное пашковцами "Общество поощрения духовно-нравственного чтения" было крупным очагом духовной культуры. Сотрудни-

ки Общества переводили на русский язык западноевропейскую христианскую классику, приобщая тем самым русского читателя к мировому христианскому опыту и сокровищам мировой культуры. Журнал "Русский рабочий" пробуждал у простого народа духовные интересы и прививал навыки культурной жизни.

Деятельность пашковцев обратила на себя внимание классиков русской культуры: Ф.Достоевского, Н.Лескова, Л.Толстого. И хотя отечественные классики не во всем соглашались с взглядами духовно пробужденных Петербургских аристократов, они в целом симпатизировали христианскому подвижничеству в высшем обществе. Влияние пашковцев мы обнаруживаем в "Дневнике писателя" Ф.Достоевского, в очерках и повестях ("Шерамур" и др.) Н.Лескова, в публицистике Л.Толстого и в его романе "Анна Каренина".

Благородная деятельность пашковцев в деле духовного просвещения, в неустанной заботе о бедных и нуждающихся, все их труды и видное положение в обществе сделали это движение не только духовным, но и в значительным культурным явлением русской жизни, сформировав богатый пласт отечественной культуры.

Приведенные примеры и факты помогают глубже понять природу духовности петербургских верующих-аристократов, мы обнаруживаем в нем черты пиетизма. Это был пиетизм евангельский и пиетизм социально окрашенный. Его основа – обращение ко Христу, духовное возрождение посредством всемогущей благодати Божьей, принятой верой. Живая вера неминуемо влечет за собой и дела милосердия, определяет социальную направленность служения. Не только в устроении практической жизни, в подходе к духовным вопросам, но и в теологической сфере просматривается большое сходство пашковцев с западно-европейскими пиетистами. Вышеприведенные 7 тезисов Ф.Шпенера и девять положений Международного Евангельского Союза почти полностью нашли свое воплощение в Символе веры пашковцев (см. Приложение 1).

Догматическое и практическое лицо движения

Движение пашковцев не породило новой системы богословия, не дало миру ученых-богословов с оригинальными взглядами на мир, Библию и человека. Это было пробуждение не философской или богословской мысли, а прежде всего пробуждение сердца. Поэтому движение пашковцев по своему богословскому и духовному характеру перекликается с пиетистическими движениями, имевшими место в Западной Европе и России.

Ни Редсток, ни Пашков не считали себя богословами, они выступали как свидетели Христа. Их богословие было предельно простым и заключалось, по сути, в четырех словах: «Бог умер за меня». Это богословие чисто евангельское, и базируется оно на простой сердечной вере в Бога любви. И лорд Редсток, и пашковцы настороженно относились к усложненным догматическим построениям, усматривая в этом опасность впадения в мертвый формализм и духовное окостенение. Такая позиция избавляла лорда Редстока и его друзей в России от духовного эгоизма, позволяя исповедовать христианство открытого типа.

"Лорд Редсток считает себя в мире, или лучше сказать в ладу, со всеми церквями, – отметил Н.Лесков, – где признают одного Христа как Спасителя и Единого Ходатая за мир человеческий". [28, с.129]

Пашковские общины, как и всякий живой организм, не были абсолютно однородны в богословском отношении. Часть из них придерживалась линии свободной евангельской церкви, родственной Плимутским братьям, а другие тяготели к бапти-

стскому богословию с установкой на церковное домостроительство с более ярко выраженной иерархией и детально разработанными вероучительными принципами. Говоря о богословских особенностях некоторых протестантских течений, епископ А.Дородницын писал:

"У баптистов центральным догматом является крещение взрослых, у духовных шундистов – непосредственное озарение Святым Духом, у хлыстов – перевоплощение Божества, у скопцов – огненное крещение (оскопление). У пашковцев именно этого центрального догмата и нет". [14, с.312]

Взгляд православного ученого не представляется нам совершенно точным, даже полное отсутствие всякой догматики есть своеобразная догматика, и отрицание всяких традиций есть тоже традиция. Да, евангельские христиане-пашковцы на протяжении первых двух десятилетий своего служения не стремились к выработке строго очерченного догматического богословия и специального вероучения, так как боялись, что это может сковать дух евангельской свободы. Символ веры пашковцев появился примерно через 20 лет после возникновения движения. Но в первые годы символом общей веры служило опубликованное в газетах личное свидетельство и исповедание В.А.Пашкова. Догматическая безликость не присуща личному кредо Пашкова. Есть в нем и центральный догмат:

"Я говорю всем, что своими делами нам не оправдать себя перед Богом, а только верой во Христа Иисуса. Понятно, что настоящая живая вера проявляется в делах, в новой жизни". [60]

Этот же догмат занимает центральное положение и в Символе веры пашковцев:

"Верую, что только Христова праведность оправдывает нас пред Богом верою, а не посты, милостыни и поклоны или другие какие бы то ни было наши дела, и хотя добрые дела неотделимы от истинной и живой веры, но они совершенно не могут ни удовлетворить Закона Божия о грехах наших, ни спасти нас".

Так что во главу угла пашковцы ставили протестантскую доктрину об оправдании верой в ее, так сказать, первоизданном евангельском виде. Это главное догматическое содержание проповеди пашковцев подметили и люди светские. Н.Лесков представил догматическое лицо петербургских единомышленников лорда Редстока таким образом:

"Весь редстоковский раскол есть группа людей, любящих потолковать о Слове Божьем, о спасении и об оправдании. Разномыслие их с церковью православной состоит в особом мнении об оправдании и о так называемом культе мертвых да в совете обходиться без призывания святых и Девы Марии. Но в этом смысле, мне кажется, у нас наберется очень много расколов, даже совсем не имевших никакого общения с Редстоком." [28, с.292]

Движение пашковцев имело определенные догматические контуры, но первые инициаторы этого движения не стремились развивать догматическую сторону, так как это привело бы к возникновению организации ортодоксально-церковного типа. Основы вероучения обычно определяют и особенности практической жизни, и служения. Что отличало пашковцев в практическом отношении? Верующие Петербургского пробуждения на первое место ставили апостольское служение, то есть проповедь Евангелия и широкое духовное просветительство. Движение пашковцев имело яркую социальную направленность.

"Вера – действующая любовь" – девиз пашковцев, вытекающий из евангельского мировоззрения. Масштабы общественно-благотворительной деятельности верующих аристократов значительно превышал акции милосердия других евангельских конфессий в России. Столовые для бедных, больницы, швейные мастерские, школы, ко-

митеты попечения о заключенных, – эти плоды деятельной веры обильно произрастали не только в столице, но и во многих российских губерниях, где находились имения пашковцев.

Библия – основа вероисповедания

Все, кому довелось слушать проповеди Редстока, единодушно отмечали, что он не затрагивает догматические вопросы, не занимается научно-богословскими исследованиями, но любит и проповедует Библию как письмо дорогого друга. Высший авторитет Библии в деле богопознания и спасения души определяет и Символ веры, разработанный впоследствии пашковцами:

"Верую, что Священное Писание Ветхого и Нового Завета есть боговдохновенное откровение воли Божией людям и есть совершенное единственное правило веры и богоугодной жизни."

Опасаясь уклонения в сухой и безжизненный догматизм, пашковцы все-таки оказались перед необходимостью сформулировать основные положения своего вероисповедания. Приблизительно в 1895-97 годы был обнаружен Символ евангельской веры, состоящий из двенадцати разделов и написанный неизвестным пашковцем. Опираясь на этот документ, а также проповеди, письма и мемуары пашковцев, мы выделим главные элементы, выражающие сущность их христианских убеждений и богословскую платформу.

Оправдание верой

Лорд Редсток явился в Россию как апостол и проповедник спасительной веры во Христа.

"Братья! Знаете ли вы что такое вера? – обращался к слушателям Редсток. – Представьте себе, что на земле потоп, что весь мир залит водой, что под этой холодной, безграничной массой воды исчезло все: лес, города, горы и остался только один маленький, ничтожный клочок земли. Представьте себе, что вы стоите на нем. Вода все прибывает, волны уже лижут ваши ноги, ваши колена... И, вдруг, перед глазами вашими возникает маяк спасения – ковчег... Не броситесь ли вы к нему? Не употребите ли вы все силы, чтобы ухватиться за якорь надежды, посылаемой вам Творцом вашим? Вот, братья, что называется верой." [64, с.26]

Редсток не просто говорит о вере, а воспевает ее. Это гимн вере и призыв держаться за нее как за спасительный канат. Она – основа спасения души. Учение об оправдании верой – это то, что делает христианскую проповедь Благой Вестью. Через признание искупительных заслуг Христа человек может иметь твердое упование и надежду на вечное спасение. Поэтому провозглашение библейской истины о возможности быть причастником Христу и жизни вечной через сердечную веру стало основной богословской доктриной движения пашковцев.

Более-менее последовательно свои богословские взгляды Пашков изложил в живой переписке с протоиереем П.Янышевым на страницах журнала "Церковный вестник" в 1880 году. Его понимание оправдания во Христе было таковым:

"Я говорю всем, что делами нашими мы не оправдаемся перед Богом, а оправдаемся верою в Иисуса Христа. Но, разумеется, что истинная вера не может не проявляться в делах: вместе с тем, я постоянно напоминаю, что никто не войдет в Царство Небесное, не освободившись от греха, и указываю всем на Спасителя, Который *"явился для того, чтоб взять грехи наши и чтобы разру-*

шить дела дьявола" (Иин.3.5.8). [64, с.30]

Это богословское утверждение вошло и в Символ веры пашковцев. Принятие доктрины оправдания верою делало исповедание пашковцев светлым, радостным и вдохновляющим, вера для них не была сухим догматом или системой философского мировоззрения, но означала живую встречу с Богом во Христе.

Крещение и хлебопреломление

Руководители евангельского движения Пашков и Корф первоначально не настаивали на крещении тех душ, которые уже были крещены в младенческом возрасте. Они принимали в общину всякого, кто обратился к Богу через публичное покаяние, искренне уверовал во Христа и пережил духовное возрождение. Пашковцы на ранней стадии формирования общин держались практики открытого Хлебопреломления, то есть допускали до причастия всех, кто сознательно принял Христа, изменил образ жизни и встал на путь освящения.

На этой почве, как известно, у пашковцев возникли серьезные разногласия с баптистами. Объединительный съезд в 1884 году в Петербурге не смог устранить их. Разномыслие по вопросу крещения беспокоило Пашкова, по его специальному письму-предложению возможность либерального подхода к крещению обсуждалась еще на конференции баптистов в немецкой колонии Рюкенау Таврической губернии 20 мая 1882 года.

"Из Петербурга известной общины брат Василий Пашков желает, чтобы наши братья принимали из их общины верующих к Вечере Господней, оставляя их при том крещении, которое они приняли в детстве". [14, с.567] – огласил предложение Пашкова тогдашний председатель Союза баптистов И. Вилер.

Письмо Пашкова обсуждали бурно, и мнения не были абсолютно единодушны. Самое категоричное и резкое высказывание принадлежало Л. Мазаеву:

"Нам Слово Божие указывает ясно: кто уверует и крестится, тот будет спасен, поэтому крещение без уверования не имеет в Слове Божиим никакого значения. А потому мы не можем иметь с таковыми участия в Вечере Господней". [14, с.568]

Делегат Х.Фишер посоветовал собратьям не выражаться слишком резко и предложил ответить Пашкову, что они пока не могут решить этот вопрос.

Основоположники Петербургского возрождения не придавали на первых порах первостепенного значения крещению как обряду. С чем это было связано? Своеобразный взгляд на крещение у пашковцев, вероятно, объяснялся подспудным влиянием общественного православного мнения, что крещение совершается единожды в жизни, оно единственно и неповторимо. С другой стороны, пашковцы, по примеру определенной части штундистов и молокан, стремились освободить свое вероисповедание от пустоты обрядов и сводили их к минимуму.

Со временем взгляды большинства пашковцев на крещение претерпели изменение, сознательное крещение при приеме новых членов стало обязательным установлением. Миссионер Скворцов полагал, что повторное крещение вошло в практику пашковских общин лет через восемь-десять, а современный исследователь русского протестантизма П.Стивс считает, что оно укоренилось у пашковцев только к 1898 году. По-своему правы оба. Богословские прения Петербургского съезда 1894 года уже посеяли сомнения у части пашковцев в подходе к крещению. А к концу века в петербургской общине пашковцев руководящее положение занимали баптистские проповедники: И.В.Каргель, Н.С.Проханов, С.П.Степанов. [63, с.27]

По свидетельству С.Ливен, И.Каргель придерживался свободного направления по вопросу крещения, разделяя мнение тех пашковцев, которые считали, что "тому, кто уже был крещен в детстве, нужна только вера и духовное возрождение". [30, с.104] Что же касается Проханова и Степанова, эти служители признавали строгую обязательность крещения для вступления в церковное членство. Со временем получило перевес чисто баптистское понимание крещения, которое и нашло отражение в Символе веры (см. Приложение 1, п. 11).

Иисус Христос – краеугольный камень спасения

Вероисповедная основа движения пашковцев христоцентрична. Проповеди Редстока, Пашкова, все духовные издания пашковцев насыщены свидетельством о Христе и посвящены раскрытию значения Голгофской жертвы Христа для спасения рода человеческого.

"Собственно верования Редстока прямые и простые, – отмечал Н.Лесков. – Он принимает воплощение Христа, Его чудеса, смерть и воскресение и вообще все до него касающееся точно и буквально, как сказано в Евангелии..." [28, с.143]

Редсток, как и его соратники в России, не ставил перед собой иных задач, кроме проповеди Христа Распятого. Он полюбил Христа, отдал себя делу святого благовествования и был послушным учеником Спасителя. Русские друзья Редстока тоже исповедовали Иисуса Христа, как единственного Посредника между Богом и людьми, как Путь, Истину и Жизнь.

«Целью моего служения является свидетельствовать о Нем, о Его великой любви, которую я испытываю каждый день, – говорил Пашков в письме протоиерею И. Янышеву. – Сына Божия, Спасителя нашего Иисуса Христа, Кто умер за наши грехи и воскрес для оправдания нашего (Рим.4.25), я должен считать единственным Посредником между Богом и людьми (1Тим.2.5), Ходатаем (1Ин.2.1) и Пастырем душ наших (1Пет.2.25), Начальником и Совершителем веры (Евр.12.2). Теперь я из опыта знаю, насколько Он верен, я знаю, что все обетования в Нем – «да и аминь» (2Кор.1.20). Я всем напоминаю, что нет ни в ком ином спасения (Деян.4.12), ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос (1Кор.3.2)». [24]

Свое неизменное христоцентричное богословское кредо Пашков подтвердил и в письме к русскому послу в Париже 20 октября 1884 года после изгнания из России.

«Нашу проповедь мы ограничиваем исповеданием Иисуса Христа Богом и Спасителем, Который Один достоин всей веры и любви грешников, за которых Он отдал жизнь Свою. Он вместо них понес наказание за грех и искупил их и благодаря этому Бог, Который есть любовь, и вместе с тем справедливость, смог, оставаясь справедливым, все же оправдать виновного. Незнавший греха, Единородный Сын Божий, приняв природу человека, принес Сам Себя в жертву за грех человека и тем исполнил волю Отца Своего. Он показал виновному человеку, далекому от Бога, что любовь Бога к нему, добровольно удалившемуся, не имеет границ и превосходит человеческое разумение». [30, с.59]

Христоцентризм богословских воззрений пашковцев был окончательно закреплен в Символе веры (см. Приложение 1, п. 5).

На заре движения Пашков и Корф не стремились превращать евангельские духовные собрания в церковную организацию с незыблемой иерархической структурой. Однако оба проповедника помышляли о наилучшем устройении служения и, естественно, шли по пути создания некоторых церковных форм.

«Читатель, может быть, задаст мне вопрос, почему мы не основывали общин и церкви, – пишет М.Корф в мемуарах. Должен сказать, что мы с Пашковым об этом думали все время, но Господь не открывал нам, как приступить к этому делу. Мы все же имели регулярные собрания, соблюдали известный порядок, посещали больных, утешали страждущих и поддерживали слабых. Пашков считался старшим братом, а я его помощником». [60]

Вопросы чисто церковного устройства Пашкову и Корфу пришлось активно обсуждать во время Петербургского съезда 1–6 апреля 1884 года, но задолго до этого события у руководителей движения уже сформировались определенные мнения на учение о Церкви. Критики из лагеря православных ортодоксов постоянно обвиняли Пашкова в антицерковности. На обвинения подобного рода Пашков отвечал следующими рассуждениями:

«Истинная Церковь Божия есть столп и утверждение истины (1Тим.3.15), она – тело Христа (1Кор.12.27), состоящее из живых членов, т.е. верующих во Христа, дорого Им искупленных, принадлежащих Ему и любящих Его. Среди этих членов есть такие, кто уже умерли в Господе, кто еще теперь в живых и все те, кого еще в будущем Господь присоединит к Своей Церкви. Авторитет этой Церкви я признаю». [43]

Пашков и его сторонники нигде прямо не сформулировали принцип всеобщего священства, как это делали, например, баптисты. Несмотря на отсутствие в документах пашковцев буквальное формулировки о всеобщем священстве, практически все служение их строилось с учетом данного принципа. Они не допускали развития церковной иерархии с абсолютной властью пресвитера. Общины, как правило, управлялись советом старших, более опытных братьев и членским собранием. Отвечая на обвинения православных критиков в "самовольном вступлении на проповедь", Пашков давал такое объяснение:

«Иисус Христос говорит: *«Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным»* (Мф.10.32-33). Основываясь на этих словах нашего Господа, я со дня своего обращения начал свидетельствовать о Нем, когда только представлялась возможность. Сначала я свидетельствовал пред отдельными лицами, а потом и пред небольшими частными группами. Я веровал, потому и говорил (2Кор. 4.13), радуясь, что Господь отверз мои уста для возвещения Его хвалы.» [66, с.6]

Исходя из принципа всеобщего священства, каждый уверовавший – миссионер, призванный Богом возвещать Слово Жизни. Обязательность участия в миссионерском служении была отмечена пашковцами в Символе веры (см. Приложение 1, п. 12).

Объединительный съезд 1884 года

Дух христианской любви побуждал петербургских аристократов активно искать пути для действенного сотрудничества верующих, принадлежавших к родственным течениям. После долгих молитв и размышлений В.Пашков и М.Корф пришли к обоюдному решению о созыве Всероссийского съезда христиан евангельских исповеданий. 24 марта 1884 года они разослали штундистам, баптистам, меннонитам, евангельским хригианам-захаровцам письмо-обращение с предложением прислать на

съезд своих делегатов, “чтобы вместе с ними, молясь, выяснить пути Господни для достижения единства Церкви Христовой.” В письме-обращении было сказано:

“Не кажется ли вам, дорогие братья, что долгом нашим, как членов Божественной Его Церкви, исполненных одним Духом, и составляющих в Нем одно тело, призванных в общение с Отцом и Сыном, – является исполнить желание нашего Господа о единстве Тела Его. Не кажется ли вам, что наступило время исполнить пожелание Главы Церкви? Если от нас и не зависит единство всех христианских религиозных течений, все же мы должны способствовать единству Церкви Христовой там, где Господь нас поставил.” [24]

На обращение приглашенные откликнулись с радостью, и в апреле в Петербург прибыло 70 делегатов со всех концов России. [60] Съезд должен был положить начало объединению евангельских настроенных групп России. Делегатам предстояло обсудить шесть вопросов духовно-организационного характера. Эта программа была плодом коллективного труда Пашкова, Корфа, Делякова, Каргеля и Бедекера. [60] Точный протокол съезда не сохранился, его атмосферу и работу можно представить на основании отрывочных воспоминаний участников.

Несмотря на то, что составители рабочего плана смогли отыскать взаимоприемлемые формулировки, на общем съезде обозначились серьезные разногласия, особенно при обсуждении вопроса о водном крещении. Большинство петербургских аристократов на ранней стадии участия в евангельском движении признавали законным как детское, по вере восприимчивых, так и взрослое крещение по личной вере и практиковали открытое Хлебопреломление. Баптистская делегация занимала строго принципиальную позицию относительно водного крещения. Придерживаясь исторической традиции и ссылаясь на слова Христа: “Кто будет веровать и креститься, спасен будет” (Мк.16.16), баптисты во главе с В.Павловым и М.Кальвейтом не поддержали широкого взгляда на крещение и воздержались от участия в открытом Хлебопреломлении. Уважая убеждения баптистов, Пашков, Бедекер и Радклиф приняли решение о прекращении дебатов на эту тему. Другие вопросы касались больше практической жизни: о способах благовестия, о служении женщин. Делегаты съезда согласились оказывать материальную поддержку специально поставленным проповедникам и разрешить участие в служении словом одаренным христианкам.

Представители различных евангельских течений не нашли абсолютного единства в богословских и догматических воззрениях, что не помешало им взаимно поддерживать и ободрить друг друга в следовании за Христом. Все они сделали для себя важнейшее внутреннее открытие – единство Церкви определяется поклонением живому Богу в Духе.

“Это собрание послужило для меня уроком на всю жизнь, – писал М.Корф. – Мы должны искать единства не только в понимании основных догматических вопросов, но и в духе и в истине, которую верующие находят в нашем Искупителе. Мы должны всех любить так, как Он любит нас, надо нести бремена друг друга... Внутреннее духовное единство не должно быть зависимо от разномыслия во взглядах, что всегда будет встречаться у детей Божиих. С помощью Иисуса Христа мы можем стоять и смотреть выше всех человеческих разномыслий.” [60]

Активность верующих не прошла незамеченной для властей, осуществлявших негласную слежку за их деятельностью. На шестой день работы съезда все делегаты были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. После допроса им были предъявлены абсурдные обвинения, но за отсутствием улик всем было предложено немедленно покинуть столицу.

Петербургский съезд принес добрые плоды единства всего евангельского движения в России, но в то же время вызвал волну гонений на неправославных христиан. Инициаторы объединительного съезда В.Пашков и М.Корф стали первыми жертвами репрессий.

Преследования и гонения

Расширение евангельско-просветительской деятельности вызвало резко отрицательную реакцию со стороны определенных кругов православного духовенства и власть предержащих. Уже в 1877 году последовало официальное запрещение В.Пашкову на устроение вольных религиозных общений, а местному духовенству было предписано всячески увещевать Пашкова. Однако запреты не остановили его, он продолжал свое дело с прежним размахом и энергией и тогда борьбу с ним повели более крутыми мерами. Идеологическим вдохновителем и главным организатором противодействия движению пашковцев на церковно-государственном уровне стал Обер-прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев.

Четверть века, с 1880 по 1905 годы, этот человек возглавлял ведомство, которое обеспечивало соединение светской и церковной власти и превращало русскую православную церковь в полицейское учреждение. Победоносцев рассматривал церковь как часть государственной машины, работу которой можно поддерживать изоциренными человеческими средствами. Церковь под опекой Победоносцева стала орудием борьбы с политической крамоллой и религиозным инакомыслием. Когда обычные увещания и беседы не останавливали неутомимых искателей Божьей правды, Победоносцев привлекал государственный аппарат для подавления религиозных брожений. Так было и в случае с Петербургским духовным пробуждением.

В 1880 году Победоносцев направил Государю Докладную Записку о решительном пресечении евангельской проповеди, исходящей от Пашкова и его единомышленников:

“В нынешнем году собрания у Пашкова достигли уже весьма значительных размеров, которые разрастаются еженедельно. Кроме выездов на извозничьи дворы, Пашков раз или два в неделю открывает великолепные залы своего дома для молитвенных собраний, на которые собираются все, кому угодно, от большого света до последнего рабочего... Тем он и опасен, заводя с севера, из столицы из Среды высшего сословия и правительственной интеллигенции новый раскол навстречу идущей с юго-запада штунде, возникшей в среде крестьянского населения.” [59]

Вскоре евангельское служение пашковцев было объявлено противозаконной государственной деятельностью. Все духовные искания, выходящие за пределы ортодоксального православия, ставились на один уровень с политической крамоллой. Над Пашковым и его сотрудниками устанавливается гласный и тайный надзор полиции, за ними следят, им угрожают, с них требуют подписи о невыезде. В 1884 году от Пашкова тоже потребовали письменного заверения о прекращении проповеди. Пашков ответил отказом, говоря, что он мог бы еще отказаться от распространения брошюр, написанных обыкновенными людьми, но не от распространения Евангелия.

“Подобное чудовищное требование может быть предъявлено только людьми, порвавшими всякую связь с христианством, ибо в Евангелии – как это всем известно – изложено подлинное учение Христа, Которому все мы обязаны следовать.” [55, с.248]

Непреклонная позиция руководителя христиан-евангелистов привела к тому, что

в мае 1884 года последовал царский указ о высылке В.А.Пашкова и М.Корфа за пределы России. [20,с.102] М.Корфу так же, как и В.Пашкову, было предложено дать официальное письменное заверение о прекращении проповеди, об отказе от всех связей с штундистами и другими духовными течениями. Когда М.Корф выразил свое несогласие, через Министерство Внутренних Дел пришло повеление Государя, предписывающее графу М.М.Корфу покинуть пределы России.

Такой поворот судьбы Пашков и Корф встретили по-христиански. Им тяжело было оставлять духовную работу в России, но они с радостью и смирением понесли бремя Христовых учеников.

Над дамами из высшего Петербургского общества, которые служили Христу до самопожертвования, тоже нависла угроза. Н.Ф.Ливен было предложено подписать бумагу о прекращении духовных собраний. Княгиня ответила отказом. По свидетельству М.Корфа, когда царю доложили о безрезультатных переговорах с Пашковым, Корфом и Ливен, он сказал, что дам надо оставить в покое. [60]

Гонения на простых верующих, примкнувших к движению пашковцев, начались, главным образом, на исходе 1884 года и приняли широкий размах к концу восьмидесятых годов.

“Административные и судебные дела о пашковцах или баптистах постоянно возникали в Петербурге, Москве и в разных губерниях: Тверской, Псковской, Нижегородской, Таврической и во многих других, – писал А.С.Пругавин. – Почти все эти дела возбуждались по инициативе местного духовенства; чаще всего эта инициатива исходила из среды православных миссионеров...” [55, с.251]

Сверху репрессии направляла рука Победоносцева. В 1884 году по Высочайшему повелению была запрещена деятельность Общества духовно-нравственного чтения и вскоре последовал указ Св.Синода от изъятия пашковских книг и брошюр из обращения среди простого народа. Усиливая гонения на верующих евангельского исповедания, в 1886 году власти закрыли журнал “Русский рабочий”.

Выводы

1. Пашковцы – это самобытное русское евангельское движение, выросшее под воздействием Слова Божия и Духа Святого из корней западно-европейского пиетизма и духовных исканий отечественной аристократии и простого народа. Движение пашковцев – одно из явлений русской реформации. Эта реформация не стремилась свергать существующие церковные институты, не вынашивала планов создания новых церковно-иерархических структур. Ее главная цель – возврат к первохристианству на чисто духовном уровне, без насильственной ломки внешних религиозных атрибутов. Это, скорее, "реформация сердечного обновления", идущая от полноты веры во Христа. Суть этого внутреннего реформаторства верно подчеркнула С.П.Ливен:
"Во все времена христианства появлялись такие группы верующих, хотя и носившие различные названия, имевшие целью вернуться к первоисточнику, и ставили основанием своей веры Христа. Нас вначале называли редстокистами, затем пашковцами, в Прибалтике нас считали баптистами, и затем мы стали называться евангельскими христианами. Но дело не в названии".
2. Из общего потока многочисленных духовных течений, наполнявших русскую землю, движение пашковцев выявило и сблизило течения евангельского христианства в русском протестантизме. Пашковцы не стремились к самоизоляции

ции и обособленности, они не пытались создать крепкую церковную организацию, ибо в чрезмерной организованности предвидели опасность развития духа законничества и формализма. Поэтому пашковцы – это не новая вера, не новая церковь, а движение за новую жизнь во Христе, построенную на началах Евангелия, на основе единения христиан. В этом великий пример и урок первых проповедников пашковских собраний. Успешная евангелизация невозможна без духа любви и единства среди христиан. Высокий уровень христианского благородства не позволял аристократам-евангелистам искать первых мест, предохранял от фарисейской гордыни, подвигая к жертвенному служению Богу и ближнему ради Славы Божьей. Все участники движения до конца жизни смогли сохранить надежный внутренний иммунитет против разделений всякого рода.

3. Движение пашковцев встряхнуло изнутри консервативное русское православие. “Нам следует подумать о более тесном сближении духовенства с обществом, об усилении способов религиозного воздействия пастырей на пасомых”, – писал журнал “Христианское чтение” в 1874 году, сообщая о евангельских собраниях в аристократических домах Петербурга. Проповедуя Евангелие Иисуса Христа, пашковцы не только пробуждали людей, застывших в обрядоверию, но и предохраняли общество от натиска атеизма и пожаров классовой вражды.
4. Пашковцами была предпринята попытка соединения аристократического и народного евангелизма. К концу 1884 года началось интенсивное распространение евангельской проповеди в сельских местностях России. Эта тема нуждается в специальном освещении, что может составить особый и довольно обширный раздел в дальнейшем изучении движения пашковцев.
5. По сравнению с другими очагами евангельского пробуждения – на Кавказе, в южных районах Украины – Петербургский оказался одним из наиболее продуктивных и влиятельных. Кроме евангельских общин, которых в Петербурге к концу 80-х годов XIX века насчитывалось до 401, собрания пашковцев открывались во многих губерниях Российской империи. Первым основателем новых евангельских церквей в провинции были сами петербургские аристократы. Они усердно проповедовали Евангелие в своих имениях. Многочисленные группы пашковцев при непосредственном участии проповедников из Петербурга появились в Нижегородской, Московской, Тульской, Калужской, Воронежской, Тамбовской, Саратовской губерниях. Частые миссионерские поездки Пашкова и Корфа на Кавказ и Украину тоже завершались образованием там евангельских общин. Соработниками петербургских аристократов книгоношами "Общества поощрения духовно-нравственного чтения" были организованы собрания пашковцев в губерниях Поволжья: Самарской, Царицынской, Астраханской. В селах Тверской и Ярославской губерний общины открывали местные жители-крестьяне. Многим из них доводилось приезжать в Петербург на заработки, где они посещали евангельские собрания столичных пашковцев. На северо-западе, в Петрозаводске и его окрестных селах, общины пашковцев возникли благодаря деятельности духовно пробужденных местных жителей, шведских протестантских миссионеров и распространения ими евангельских брошюр из Петербурга. Таким образом, Петербургское пробуждение за очень малый срок, по меркам истории, принесло живые плоды на огромном пространстве Российской империи.

6. Духовно-историческая миссия пашковцев чрезвычайно велика и разнообразна. Она состояла не только в постановке дела евангельского просвещения, в организации общин и широкой благотворительности. В целях консолидации родственных евангельских течений Петербургские аристократы провели первый в истории России Съезд неправославных христиан. Это был подвиг самоотверженной любви и христианского великодушия. Они помогли близким по духу христианам осознать единство во Христе и ввели евангельских верующих – соотечественников в мировую христианскую семью.
7. Благородная деятельность пашковцев – в деле духовного просвещения, в непрестанной заботе о бедных и нуждающихся; их труд и видное положение в обществе сделало это движение не только духовным, но и значительным культурным явлением русской жизни, сформировав богатый пласт отечественной культуры.

Приложение 1

Символ евангельской веры пашковцев

1. Верую во единого, истинного Бога, Который есть Творец, Сохранитель и Управитель всему, Всемогуший, Вездесущий, Всеведущий, Независимый, Неизменяемый и Вечный Дух, что любви Его, премудрости Его, святости Его, правде Его, милости и истине Его – нет конца, и что Ему только принадлежит вечное богослужение.
2. Верую, что существует Бог в трех лицах: Отец, Сын и Святой Дух и что эти три суть один Бог.
3. Верую, что Священное Писание Ветхого и Нового Завета есть Боговдохновенное откровение воли Божией людям и есть совершенное и единственное правило веры и богоугодной жизни.
4. Верую, что человеческий род в естественном состоянии своем лишен святости и совсем растлен и праведно подлежит гневу Божию.
5. Верую, что Господь Иисус Христос, совершенный Бог и совершенный Человек, есть единственный Спаситель для грешников и единственный посредник между Богом и людьми, – и что совершенным Своим послушанием, страданиями и смертью Своею, Он совершил совершенное умилоствление о грехе, так что всякий верующий в Него непременно спасется и что нет никакой другой жертвы о грехе.
6. Верую, что человек по причине растления своего должен быть свыше рожден силою Святого Духа, и без этого духовного рождения никто не может спастись.
7. Верую, что только Христова праведность оправдывает нас пред Богом верою, а не посты, милостыни, поклоны или другие, какие бы то ни было наши дела, и хотя добрые дела неотделимы от истинной и живой веры, но они совершенно не могут ни удовлетворить Закона Божия о грехах наших, ни спасти нас.
8. Верую, что всякий христианин должен вести святую жизнь и во страхе Божиим совер-

- шать свои обязанности к Богу, к ближнему своему и к самому себе и что только такая жизнь есть доказательство, что мы чада Божии.
9. Верую, что не должно приносить поклонения и Богослужения ни чему другому, кроме Самого Бога, и что три лица Св. Троицы равно достойны поклонения, которое, чтобы было богоугодно, должно приноситься чрез посредничество Иисуса Христа, что религиозное употребление мощей, крестов, икон и каких бы то ни было других изображений совсем не согласно с учением Священного Писания и совсем не угодно Богу, и что молитвы и службы об умерших не имеют никакого доказательства в Слове Божиим.
 10. Верую, что будет воскресение мертвых – праведных и неправедных, и день Суда, и что блаженство праведных и наказание неправедных начнутся со смерти и будут продолжаться во веки.
 11. Верую, что какое бы то ни было число истинных христиан, соединенных законным порядком, есть Церковь Христова, глава которой есть Сам Христос; и что таинства Христовой Церкви суть только крещение и Господня Вечеря; что крещение есть печать Завета и знак освящения действием Святого Духа и средство присоединения к видимой церкви; а Господня Вечеря есть представление, посредством видимых знаков, смерти Христовой и вседневное воспоминание умиловительной Его любви и знак соединения сообщения Его со всеми истинно верующими.
 12. Верую, что проповедование Евангелия есть главное средство, определенное Христом, чтобы приводить грешных к покаянию, чтобы назидать людей Его в святости и что есть обязанность Церкви, чтобы исполнить последнюю заповедь Спасителя: *"Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари."* Итак, Господь Бог пусть будет с вами и Его благодать: *"Исследуйте писание, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне"* (Ин.5.39).

Библиография

1. Арсеньев К.К. Проповедь так называемых пашковцев и ее значение для современного русского общества. "Вестник Европы", 1880, № 3, с. 387-400.
2. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. СПб.: "Общественная польза", 1905.
3. Архив В.А.Пашкова. Библиотека Бирмингемского университета. (Рукопись)
4. Астафьев Н.А. Опыт истории Библии в России. СПб.: изд-во В.Комарова, 1892.
5. Астафьев Н.А. Общество для распространения Св. Писания в России. (1863-93). СПб.: изд. Е.Евдокимова, 1895.
6. Боголюбов Д.И. Кто это - пашковцы, баптисты и адвентисты. СПб., 6. изд., 1912.
7. Борисов А. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной церкви. М.: "Путь", 1994.
8. Валькевич В.А. Записка о пропаганде протестантских сект в России и в особенности на Кавказе. Тифлис, 6.изд., 1900.
9. Волконский С.М. Мои воспоминания. 2-й том. М.: Искусство, 1992.
10. Выводы о сути пашковского учения, сделанные Вл.Сахаровым на основе брошюр. "Моск. Церковн. ведомости", 1883, № 3.
11. Гулубева О.Д. М.А.Корф. СПб., 6.изд., 1995.
12. Двинская А. Пашковцы. "Миссионерское обозрение", 1899, № 1, с.112-125.
13. Дороницын А. Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во 2-й половине XIX века. Казань: Центр. тип., 1908.
14. Дороницын А. Религиозно-рационалистические движения на юге России во 2-й половине XIX века. Казань: Центр. тип., 1902.
15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 10-й том. СПб.: изд-во А.Маркса, 1895.
16. Животов Н.Н. Церковный раскол Петербурга. СПб., 6. изд., 1891.
17. Журн. "Русский рабочий", 1876, № 2; 1883 № 7; 1885 № 11; 1886 № 2.
18. Иванов-Клещинков П.В. Наши общины как естественные коллективы. Журн. "Баптист", 1925, № 1, с.13-14.
19. Игнатьев Р.С. Пашковцы-баптисты в Петербурге. Журн. "Исторический вестник", 1909, № 4, с. 184-192.
20. История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: ВСЕХБ, 1989.
21. Карев А.В., К.В.Сомов. История христианства. М.:СЕХБ, 1990.
22. Карев А.В. Возникновение и развитие братства евангельских христиан-баптистов в СССР. Рукопись. Архив ФСЕХБ.
23. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. - 1917). М.: Наука, 1965.
24. Корф М.М. К 70-летию дела Божия в России. "Сеятель Истины", 1938, № 5-11.
25. Корф М.М. Мои воспоминания. Рукопись, Архив ФСЕХБ.
26. Корф М.М. Лорд Редсток, каким его запомнили. Пер. с англ. "Христианин", № 4, 1992, стр. 18-20.
27. Кулешов А. Лекции по истории и обличению сектантства как рационалистического, так как и мистического, читанные на миссионерских курсах в Пермской епархии. (б.м., б.изд.), 1912.
28. Лесков Н.С. Великосветский раскол. (Лорд Редсток, его учение и проповедь). М.: изд-во М.Тушнова, 1877.
29. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 12-ти томах. Том 11-й. М.: Правда, 1989.
30. Ливен С.П. Духовное побуждение в России. 2-е изд. Корнталь, "Свет на Востоке", 1990.
31. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1-я Франкфурт. "Посев", 1957.

32. Малькольм, Джоунс и Майкл, Джеймс. Три письма от В.Д.Бонч-Бруевича в документах Пашкова. Пер. с англ. Архив ФСЕХБ.
33. Мень А.В. Радостная весть. М.: Вита-Центр, 1991.
34. Мещерский В.П. Лорд-апостол в большом петербургском свете. СПб.: изд-во М.Вольфа, 1876.
35. Мещерский В.П. Письмо лорду Редстоку. "Гражданин", 1876, № 13, с.374.
36. Милшков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х томах. Том 2-й. М.: Прогресс, 1994.
37. Миссионерское обозрение. 1897, № 8, с.794-804.
38. Орантский Ф.Н. Секта пашковцев и ответ на пашковские вопросы. 2-е изд. СПб., б.изд., 1903.
39. Открытые письма старосты Исаакиевского Собора г. Пашкову. Одесса: тип. Е.Фесенко, 1887.
40. Павлов В.Г. Воспоминания ссыльного. "Братский вестник", 1946, № 9, с. 28-37.
41. Павлов В.Г. Воспоминания ссыльного. "Братский вестник", 1946, № 9, с.28-37.
42. Павлов В.Г. Правда о баптистах. "Баптист", 1911, №44.
43. Пашков В. Ответы В.А.Пашкова протоиерею И.Янышшеву. "Церковный вестник", 1880, № 19, с.6-7.
44. Пашков и пашковщина. Журн. "Странник", 1883, № 3, с.25-30.
45. Пашковцы. "Христианское чтение". 1874, № 5, с. 116-132.
46. Пашковщина и игундизм. "Миссионерское обозрение", 1897, № 8, с.794-804.
47. Пашковские брошюры. "Тамбовские епархиальные ведомости", 1888, № 4, 6, 7.
48. Переписка В.А.Пашкова с И.Янышшевым. "Церковный вестник". 1880, № 10, 11, 19.
49. По поводу попыток к распространению брошюр с Пашковским лжеучением на севере России и, по преимуществу, в Олонецкой губернии. "Христианское чтение", 1886, № 11, с.672-680.
50. Редсток Г.В. Письма Феллеру. "Гость", 1914, № 4, с.108.
51. Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. Том 1. М.: Центрархив, 1925.
52. Победоносцев К.П. Письма и записки. 1-й том, 2-й полутом. М.-Пг., б.изд., 1923.
53. Половцев А.А. Дневник государственного секретаря. М.: Наука, 1965.
54. Проханов И.С. В котле России. Чикаго: Всемирный Союз Евангельских христиан, 1992.
55. Пругавин А.С. Раскол сверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб.: "Общественная польза", 1909.
56. Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол сверху. СПб.: изд-во А.Суворина, 1892.
57. Пынин А.Н. Религиозные движения при Александре I. Петроград: изд-во "Огни", 1916.
58. Сборник биографий кавалергардов. Том 4-й. 1826-1908, СПб., б.изд., 1908.
59. Сведения о секте пашковцев. Всеподданнейшая Записка Обер-Прокурора Св. Синода, представленная Государю Императору. б.м. б. изд., 1880.
60. Сеятье Истины. 1938, № 10 с.8-10.
61. Скворцов Д.И. Пашковцы в Тверской губернии. Тверь: Губернск. правление, 1893.
62. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. (б.м., б.изд.), 1876.
63. Стив, Пауль. Союз баптистов России 1917-1935. США, Мичиган, б.изд., 1976.
64. Терлецкий Г.И. Секта пашковцев. (Рукопись) СПб.: изд-во И.Тузова, 1891.
65. Федотов Г.П. Сульба и грехи России. СПб.: "София", 1991.
66. Церковный вестник, 1880, № 19, с.6-7.
67. Шендеровский Л. Евангельские христиане. Торонто: Союз Евангельских христиан. 1980.
68. Ясевич-Бородавская В.И. Борьба за веру. СПб, 1912.
69. Ясновская М. Луч светлых воспоминаний о жизни, преданной Господу. "Гость", 1914, № 1, с. 17-19.